УДК 82.085

А.В. ФЛОРЯ, Л.В. МЯСНИКОВА, Л.В. ПИСАРЕНКО
Орский гуманитарно-технологический институт
(филиал) Оренбургского государственного университета

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДИСКУССИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННЫХ СМИ

В статье рассматриваются некоторые особенности современной дискуссионной культуры в средствах массовой информации. Одним из основных модусов современной публицистики является ирония. Она реализуется в виде отдельных приемов и их комбинаций. Ирония не столько играет эвфемистическую роль, сколько заостряет ситуацию и подчеркивает малоприятные для оппонента значения.

Irony is one of the ground rules of the contemporary mass-media. It may take the forms of some special methods and their combinations. Irony is not limited to the function of euphemism. It underlines and accentuates the situation and meanings unpleasant for the opponent.

Одним из основных модусов современной публицистики является ирония. Основными средствами выражения иронии являются антифразис и астеизм. Антифразисы чаще всего передают смысловые оттенки ложной значительности, фальшивой респектабельности, лицемерия, некомпетентности, принимаемой за профессионализм, и тому подобное: «Конвейер заказных банкротств видели все. И если его теперь так *мило* совершенствуют…» *(А.Привалов. Однако. – ОРТ. – 28.02.2002)*. Астеизм обычно передает значение мнимого недопонимания, недооценки чего-либо: «Наша нижняя палата стала таким же *скучным* и *непопулярным* учреждением, каким является *какой-нибудь* Конгресс США» *(М.Соколов. Однако. – ОРТ. – 09.07.2002)*. В иронических целях применяется минимальное комментирование. Смысл приема состоит в том, что чужая неудачная фраза воспроизводится как можно полнее, говорящий саморазоблачается. Для СМИ сегодня крайне типичен «поединок иронических стилистик» – следствие нетерпимости к другой точке зрения. Передачи, особенно претендующие на «интеллектуальность», не обходятся без него.

В современных СМИ не только происходят семантические смещения – они подчеркнуто констатируются: «“трансформация”, “модернизация”, “реформы”, “плюрализм”, “консенсус” и тому подобное. Термины эти неадекватны не только реальности, но и российскому менталитету <…>. У нас и для общества, и для власти консенсус – это ответственность другой стороны, но никак не собственная.» *(А.Г.Чернышов, С.И.Барзилов. Провинция: плоды реформ // Свободная мысль. 2002. № 4)*. В связи с этим у авторов возникает желание восстановить нужное слово: *«Октябрь 1917 года: революция или переворот?» (А.А.Искендеров // Вопросы истории. 2002. № 5);* «Здесь – даже не мировоззрение, а *мироощущение*, и спорить с ним глупо.» *(С.Г.Кара-Мурза. Советская цивилизация // http: // www.kara-murza.ru)*. Обратим внимание на последний пример: он вносит важные коррективы в вопрос, действительно, неадекватно изложенный безответственными журналистами и социологами. Общество чувствовало, что ситуация изменилась: отношение к проституции стало иным, однако трудно было поверить в ее *престижность*. Авторы статьи нашли точное слово.

Современные публицисты любят подчеркивать девальвацию смыслов: «Замечу, что в приложении к соратникам Ю.Левады даже условное название «демократ» звучит насмешкой. Их слова источают такую антипатию к подавляющему большинству народа, особенно к старшим поколениям, что

можно говорить о небывалом в истории антидемократизме ученых-гуманитариев.» *(С.Г.Кара-Мурза. Советская цивилизация // http: // www.kara-murza.ru).* Признаком девальвации смысла может быть **расщепление коннотации**, например: «Идеализм – слово двоякое, оно может быть и похвалой, и бранью.» *(М.Подгородников. Недобитый социализм // Литературная газета. 2002. № 27).* Поэтому для патриотически ориентированных публицистов (не для всех) характерно подчеркнутое использование **традиционных** социальных **терминов,** например, не *этнос*, а *народ*, *нация*, *раса* и тому подобное. Для восстановления правильного смысла публицисты дают **невокабулярные дефиниции:** «На самом деле капитализм – это всего лишь направленность человеческой деятельности на сохранение и увеличение производственного капитала. И все!» *(А.П.Паршев. Почему Россия не Америка? // http: // www.thewalls.narod.ru).*

Ирония приобретает оттенок так называемого «стеба», причем **«стеб»** может быть конструктивным, когда он высмеивает, доводит до абсурда настоящую пошлость. Такая стилистика свойственна прежде всего молодежи, но даже респектабельные деятели культуры не пренебрегают подобными средствами выразительности, правда, используют их отстраненно, например: «В самом деле: в тексте активно слышны не только публицистические тона (и как им не быть, когда Достоевский так нас «*достал*» на исходе XX века – не побоимся жуткого нынешнего словечка).» *(С.Бочаров. От имени Достоевского // Новый мир. 1997. № 7);* о Вик.Ерофееве: «Федор Панферов или Вера Кетлинская, *как теперь говорят*, отдыхают.» *(Ю.Архипов. Гибель богов по-русски и по-немецки // Литературная газета. 2002. № 22).* Мы называем это явление «ювенилизацией», то есть имитацией «молодежного» стиля. Впрочем, иногда авторы статей не дистанцируются от вульгаризмов, прямо используют их, демонстрируя отвращение к явлениям, которые принципиально не заслуживают, чтобы о них говорили «приличным» языком – такова статья *В.Бондаренко «Словесный лохотрон» (Литературная газета. 2002. № 2-3).*

Ирония может проявляться в виде эвфемизмов. С аналогичной целью – если не для иронии, то для снижения, разоблачения – используются *квазиэвфемизмы***:** «Войны без интересов не бывает. Россия поддержала *военную акцию* США *против терроризма* и стала одним из наиболее активных ее участников. Каковы наши интересы в этой *операции*?» *(Леонов Н.С. Рождается новый мировой жандарм // Трибуна. – 19.10.2001).* Так как с самого начала употреблено слово «война», подчеркнутые слова являются не ее эвфемистическими обозначениями, а синонимами. С уничижительной целью употребляется и *деметафоризация***:** «Был ли Ленин палачом? Заметим, что слово «*палач*» – иносказание, метафора (…) Значит, надо сначала определить, что мы понимаем под словом «палач», иначе разумного умозаключения сделать будет нельзя.» *(С.Г.Кара-Мурза. Советская цивилизация // http: // www.kara-murza.ru).*

В разоблачительных целях может *пародироваться чуждая стилистика и терминология***.** Очень часто автор, как бы занижая интеллектуальный потенциал оппонента, объясняет элементарные понятия или семантические оттенки широко употребляемых слов. Он может «иронизировать» и над собственной «недогадливостью» за счет *«непонимания» слов с «расщепленной коннотацией»***.** К приемам такого рода отнесем также *ресемантизацию* (переосмысление) оценочных слов и понятий, изменение их коннотации: «Да, они [бедные люди] *сходят с ума* от боли и страха за Россию и за своих близких.» *(С.Г.Кара-Мурза. Интеллигенция на пепелище. // http: // www.kara-murza.ru).* Понятно, что оппоненты С.Г.Кара-Мурзы пишут о людях, сошедших с ума в другом смысле – недовольных «демократическими реформами». Ресемантизация слова сочетается с *амфиболией*: *«О «потусторонних» людях» (Литературная газета. 2002. № 22)* – название статьи *Л.Графовой.* «Потусторонние» – значит находящиеся или находившиеся по ту сторону российской границы беженцы, а, кроме того – люди, как бы пребываю-

щие «на том свете», «мертвые» для государства. Другой пример: «Недаром Зиновьев (…) сострил, что науки делятся на *естественные и неестественные*.» *(К.Фрумкин. «Пассионарность» как интегральное социологическое понятие // http: // www.piramyd.express.ru)*. Под «неестественными» науками понимаются, с одной стороны, социальные, с другой – лишенные корректного аппарата, правильной методологии. Иногда использование резкой оценочной лексики мотивируется ссылками на авторитеты, к которым автор присоединяется (*метапейоративность*): «К.Леви-Стросс называл это «псевдонаучным людоедством, презирающим целостность человеческой культуры.» *(С.Г.Кара-Мурза. Интеллигенция на пепелище // http: // www.kara-murza.ru)*.

Ирония, таким образом, не столько играет эвфемистическую роль, сколько заостряет ситуацию и подчеркивает малоприятные для оппонента значения.